

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА И Я. К. БЕЯТЛЫ

Ахмет Али Айдын

кандидат филологических наук, педагог,
учредитель Международной школы «Меридиан» (УКРАИНА),
пров. Квітневий, 5-а, м. Київ

Будучи элементом творчества какого-либо поэта или писателя, концепт как таковой приобретает оттенок художественности, порождая так называемый **художественный концепт**, определяемый Т. Н. Даньковой как «определённая мыслительная сущность, формирующаяся в сознании писателя на основе его опыта, представлений о действительности, пережитых чувств, художественных образов, которые репрезентированы различными языковыми средствами» [254; 10].

Следует отметить, что, как полагает Е. С. Кубрякова, художественный текст вовлечён в концептуальные исследования, т. к. целью концептуального анализа является установление смыслов, «которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [273; 85].

Концептуальный анализ текста представляет собой особый вид исследования, целью которого является рассмотрение способов репрезентации концептов в художественном тексте. Основным репрезентантом концепта в тексте является слово, которое, как верно замечает Л. Н. Чурилина, «может рассматриваться как ключевое слово текста, или слово-тема [...], развивающее некоторую идею» [300;12]. Таким словом в текстах И. А. Бунина и Я. К. Бятылы выступает «любовь».

Выбор ключевого слова производится по критериям, описанным Ю. Н. Карауловым, наиболее важными из которых можно считать семантическую ёмкость имени, т. е. способность слова вступать в ассоциативные связи с как можно большим количеством других слов (ассоциатов), а также смысловую значимость именуемого данным словом концепта [266; 160].

И. А. Широкова акцентирует на том, что национальная специфика концепта наиболее ярко реализуется в его периферийных слоях, наполняемых индивидуальными реализациями, признаками с низкой или единичной частотностью. В последующих разделах данного диссертационного исследования будет более подробно рассмотрен вопрос о национальной специфике реализации концепта «любовь» сквозь призму произведений И. А. Бунина и Я. К. Бятылы.

Анализируя концепт «любовь» в творчестве упомянутых авторов, мы исходили из того, что он представляет собой часть концептосферы чувств и неизбежно взаимодействует с другими концептами на основе ассоциативной связи. Однако во внимание был принят и тот факт, что это взаимодействие может быть направлено либо по вектору положительных эмоций, когда любовь приносит субъекту ощущение счастья, либо чувство может быть отрицательно окрашено и взаимодействовать с отрицательными эмоциями. Именно поэтому, как замечает, в частности, В. И. Шаховский, целесообразно исследовать концепт в этих двух аспектах. Это не разделение концепта, это лишь две стороны одного и того же явления, поэтому предполагаемые результаты должны гармонично друг друга дополнить. Необходимость такого разделения доказывает и тот факт, что до сих пор в биологии и в психологии отсутствует глобальная библиотека эмоций (их инвентарий) и учёные всё ещё не единодушны в своих классификациях эмоций по признаку положительности и отрицательности. Линейная градуальная бивекторная шкала эмоций не выстраивается потому, что концептуальная система эмоций оппозитивна: любовь и ненависть в смысловом содержании смыкаются друг с другом [301; 312].

Переходя непосредственно к репрезентации концепта «любовь» в творчестве И. А. Бунина, необходимо подчеркнуть, что сама тема любви объединяет все наиболее значительные работы автора. В. А. Мескин констатирует, что поэт и прозаик видит любовь силой, предопределяющей поведение, важные поступки людей, – то есть силой прихотливой, созидающей и разрушающей. Бунинские лики любви удивляют своей неоднозначностью, амбивалентностью: здесь перемежаются святость и греховность, красота и безобразие, жизнь и смерть. В освещении интимных вопросов русская классика была стеснительна и немногословна, – резюмирует В. А. Мескин, но именно И. А. Бунин, осознавая, что для искусства нет запретных тем, что истинно художественное слово не может быть пошлостью, нарушил эту традицию. В данном контексте совершенно логичным представляется тот факт, что, говоря о чувственных отношениях в творчестве И. А. Бунина, буниневеды, обязательно соотносят свои суждения с циклом рассказов «Тёмные аллеи».

Примечательно, что впервые в русской прозе И. А. Бунин рисует всё бытие человека в мистическом освещении и в зависимости от «солнца любви» (В. Соловьев). Здесь, по выражению Ф. Сологуба, «интимное стало всемирным». Автор-повествователь предельно откровенен, увлекает и убеждает читателя. Сословность, карьера, долг и даже разум – всё пасует перед чувством страсти. Бунинские персонажи, пораженные высокой болезнью, случается, ставят знак равенства между любовью и жизнью. Очень яркий пример подобной зависимости можно наблюдать в коротком, но весьма показательном рассказе «Часовня», входящем в цикл «Тёмные аллеи»: «Он был очень **влюблён**, а когда очень **влюблён**, всегда стреляют себя...» [203]. Как видим из приведённого примера, концепт «любовь» обретает здесь полную автономность, подчиняет себе все остальные, выходя на первый план за счёт своей всеильности, всепоглощающей и ключевого места в жизни героя.

Художественное мастерство тонкого описания И. А. Буниным философско-психологических граней вечной темы общепризнано, – полагает В. А. Мескин. Характеризуя место «любви» в произведениях И. А. Бунина, учёный называет её не иначе как «жизнью жизни». Многие персонажи, перебирая в памяти прошлое, признают не напрасно прожитым только то время, когда они любили и были любимы [278].

Стоит заметить, что, по мнению В. А. Мескина, в упомянутом нами цикле рассказов «Тёмные аллеи» есть произведения, которые, на первый взгляд, не очень уместны в разговоре о концепте «любовь»: несмотря на это, сам автор, рассуждая об их истинной и глубокой тематике, посвятил их «прекрасной, но мимолётной гостье на нашей земле» [278; 21]. Несложно предположить, что поэт и прозаик имел в виду под этим метафоричным определением. Среди подобных рассказов следует отметить «Стёпу» (1938), «Красавицу» (1940), «Дурочку» (1940) и некоторые другие. Например, последнее из названных произведений, думается, уместнее бы смотрелось в ряду более ранних рассказов, рядом со, скажем, «Игнатом» (1912). Однако, – полагает В. А. Мескин, автор неспроста включил их именно в «Тёмные аллеи», где они образуют своё эмоциональное поле. Популярный в те годы прозаик и друг, Л. Андреев, обращаясь к таким сюжетам, говорил о «чёрных безднах» не любви, а человеческого естества [278; 21]. И. А. Бунин подталкивает читателя к размышлениям на эту спорную, не укладывающуюся в рамки словесности тему. По нашему мнению, автор, вероятно, вводит эти немногие произведения в свой изящный цикл «энциклопедии любви», чтобы оттенить то главное, что он хотел сказать.

«Любовь» у И. А. Бунина амбивалентна: вкладывая её в уста своих героев, автор, с одной стороны, указывает на отсутствие значимости оной в жизни человека, её временном характере: «**Любовь, молодость – всё, всё. История пошлая, обыкновенная. С годами всё проходит**» [189], а, с другой, – подчёркивает, что именно она оказывает мощное влияние на человека, навсегда оставаясь в его памяти: «**Молодость у всякого проходит, а любовь – другое дело**» [189].

Очень тонко и изящно, но в то же время откровенно проявляется в творчестве И. А. Бунина универсальность, «всемирность» и безграничность любви: «**Про любовь, сударь, недаром поётся: Жар любви во всяком царстве, любитесь земной весь круг...**» [12].

Концепт «любовь» нередко приобретает в произведениях И. А. Бунина форму дьявольского искушения, наваждения, горько-сладкого плода познания: «**И что можно отдать за любовь такой женщины! ... И в голову шли нелепые мысли: вот взять и ос-**

*таться тут на месяц, на два, втайне ото всех войти с ней в дружбу, в близость, вызвать её **любовь**, потом сказать: будьте моей женой, я весь и навеки ваш» [8].*

«Любовь» у И. А. Бунина незабываема, глубока и порой трагична: «Он поцеловал ее холодную ручку с той **любовью**, что остается где-то в сердце на всю жизнь, и она, не оглядываясь, побежала вниз по сходням в грубую толпу на пристани» [36].

Очень иронично И. А. Бунин говорит о всеподчиняющем свойстве любви в рассказе «В Париже», цитируя французскую поговорку: «**Любовь** заставляет даже ослов танцевать» [28].

Неспособность человека противостоять чувству также отражается в прозе писателя: «Я сказал бы ей, что никогда в жизни, никого на свете так не **любил**, как ее, что Бог многое простит мне за такую **любовь**, простит даже Надю...» [43].

В рассказе «Натали» И. А. Бунин акцентирует на вечности и бессмертности любви: «Вспомнил Натали – и подумал: да, та **любовь «до гроба»**, которую насмешливо предрекала мне Соня, существует; только я уже привык к ней, как привыкает кто-нибудь с годами к тому, что у него отрезали, например, руку или ногу...» [112].

Любовь предстаёт у прозаика и в негативном свете, приобретая минорное звучание: «Хотя разве бывает **несчастливая любовь?** – сказала она, поднимая лицо и спрашивая всем черным раскрытием глаз и ресниц»; «**Это не любовь**, – сказал я. – Страшная жалость, нежность, но и только» [112].

Примечательно, что порой И. А. Бунин говорит и об отсутствии настоящей ценности любви, не ставя её выше простых и обыденных вещей: «Рубль за **любовь**, рубль на булавки» [90].

Как видим из примером, приведённых выше, «любовь» у И. А. Бунина многолика и разнообразна: порой несчастна и безответна, порой, наоборот, счастлива и всепоглощающая.

Современник И. А. Бунина Я. К. Баятлы является одним из известнейших и почитаемых турецких поэтов. Так же, как и для И. А. Бунина, «любовь» является для него одним из центральных, ключевых и основополагающих концептов, проходя красной нитью через всё его творчество.

Как справедливо отмечает турецкий исследователь О. Байрак, концепт «любовь» имеет в произведениях Я. К. Баятлы особое место, проявляясь, в частности, в любви к Стамбулу. Особо любимыми поэтом выступают два района упомянутого города, а именно – Чамлыджа и Ускудар. Чамлыджа, согласно мнению О. Байрака, явилась тем местом, которое, гостеприимно встретив Я. К. Баятлы после возвращения из-за границы, послужило средством воплощения важных для него ценностей, равно как и предвестником самого счастливого возвращения в город. Автор посвящает любви к Стамбулу такие слова:

Ben yolcuym bugün, yolun ufkunda Çamlıca
Hâlâ görünmüyor;
Hâlâ görünmüyor diyerek sabırsızım.
Yıllarca **sevdiğim** Adalar, deniz
Artık görünsünler [306, 1533].

Сегодня я путешественник, на горизонте – Чамлыджа
Её до сих пор не видно;
Не видно, вот мне и не терпится.
Пусть покажутся, наконец, Адалар и море,
Которые я **любил** все эти годы.

Любовь Я. К. Баятлы к Стамбулу не случайна, так как поэт усматривал в нём олицетворение всего того, что отличает турецкий народ от других. Именно Стамбул, любовью к которому преисполнен поэт, является оплотом не только турецкой, но и общемусульманской культуры, объединившей в себе разные, порой несовместимые на первый взгляд, но такие близкие Я. К. Баятлы элементы. О любви автора к Стамбулу, граничащей с обожанием, свидетельствуют, в частности, строки из поэзии «*Bir başka tepeden*», в назва-

нии которой заложена некая неоднозначность, так как данная фраза имеет как прямое значение – «С другого холма», так и переносное – «Свысока»:

Sana dün bir tepeden baktım **aziz** İstanbul!
Görmediğim gezmediğim, **sevmediğim** hiçbir yer.
[...]
Sade bir semtini **sevmek** bile bir ömre değer [221].

Я вчера посмотрел на тебя свысока, **милый** Стамбул!
Нет места в тебе, которого я не видел, где я не был, и которое не **любил**
бы.

[...]
Жить стоит хотя бы ради того, чтобы **любить** даже самый неприглядный
из твоих районов.

Так же, как и у И. А. Бунина, любовь в поэзиях Я. К. Бятылы часто выступает как чувство, омрачённое грустью и печалью:

Gönlümlle oturdum da hüznümlendim o yerde,
Sen nerdesin, ey **sevgili**, yaz günleri nerde! [232].

Я сидел там, и **сердце** моё пребывало в печали,
Где же ты, **любимая**, где же летние дни!

Любовь у Я. К. Бятылы предстаёт несчастной из-за разлуки и причиняемой ею душевной боли, но при этом одновременно воспринимается как благо:

[...]
Hicran gün ortasında neden böyle seslenir,
Birden hatırlatır unutan kalbe **sevgiyi**?
[...]
Ey **sevgi** anladım bu uzakta seda ile,
Ömrün yegâne lezzetidir hatıran bile [227].

Почему же [петух] так поёт в день **разлуки**,
Не уж-то напоминает забывшему **сердцу о любви**?
[...]
Эх, **любовь**, пребывая вдалеке, я понял,
Что даже напоминание – единственная радость в жизни.

Kalbim yine **üzgün** seni andım da derinden;
Geçtim yine dün eski hazan bahçelerinden!
Üzgün ve kırılmış gibi en ince yerinden,
Geçtim yine dün eski hazan bahçelerinden! [237]

Моё **сердце** снова в **печали** – я опять вспомнил всё о тебе;
Вчера я снова прошёл по прежним осенним садам!
Вчера я прошёл по самому «тонкому» и будто надломленному месту
Прежних осенних садов!

Очень интересным, с нашей точки зрения, является тот факт, что в творчестве Я. К. Бятылы концепт «любовь» зачастую является элементом поэзий, оформленных в виде песни-колыбельной, как бы убаюкивающей и тем самым незримо ласкающей объект любви:

[...]
Başka aşıklardan almışsan nefes
Başka yerden, başka vadilerden es
Doğmanın ruhunda ani bir heves
Esme gülşenden ki canan uykuda [238].

Если тебя вдохновили иные влюблённые,
Повея из других широт, с других полян.
Пусть в душе твоей не родится новый порыв,
Не гони ветра из розария, ибо возлюбленная спит.

Резюмируя изложенное выше, приходим к выводу о том, что концепт «любовь» имеет множество различных воплощений и смысловых граней в творчестве обоих авторов. Следует отметить, что, несмотря на то, что большинство текстов И. А. Бунина написано прозой, по степени своей образности и многомерности выражения концепта «любовь» они ничуть не уступают поэтическим, крайне метафоричным и, в основном, печальным поэтическим строкам Я. К. Бятылы.

Подводя итоги пунктов данного исследования, представленных выше, приходим к выводу о том, что «концепт» как таковой является сложным и «многомерным» термином, характеризующимся разными, порой кардинально отличными друг от друга определениями. Отметим, что основными причинами подобной неоднозначности трактования упомянутого термина являются его частое отождествление с «понятием» и «смыслом», его междисциплинарный характер, а также сложность процесса усвоения данного термина лингвистическими науками русского, украинского и, соответственно, турецкого языков.

Концепт представляет собой «слоистое» образование, обуславливающее, по мнению выдающего лингвиста Ю. С. Степанова, сложность его структуры. Учёный выделяет три основных слоя «концепта», представленных его (1) актуальными (новейшими) и (2) историческими («пассивными») признаками, а также (3) внутренней формой (т. е. смыслом), наиболее глубоко уходящей в историю и зачастую неосознаваемой носителями языка (удачным примером в данном контексте представляется концепт «вера», давно утративший своё истинное значение – внутреннюю форму, которая ныне «не воспринимается» коммуникантами как таковая).

Классификация концептов представляет собой нелёгкую задачу, в процессе решения которой необходимо учитывать специфику всех многочисленных граней данного термина. Согласно классификации В. И. Карасика, взятой нами за основу наряду с концепцией М. В. Пименовой, по содержанию концепты можно разделить, прежде всего, на *параметрические* и *непараметрические*. М. В. Пименова, в свою очередь, классифицирует концепты на *базовые* (космические, социальные, духовные), *концепты-дескрипторы* (дименсионные, качественные, количественные) и *концепты-релятивы* (концепты-оценки, концепты-позиции, концепты-привативы). Указывая на размытость границ между классами концептов, лингвист подразделяет их на *исконные* и *заимствованные*, *развивающиеся* и *застывшие*, *постоянные* и *трансформировавшиеся*, *первичные* и *производные*, а также *ведущие* и *второстепенные*.

Примечательно, что известный украинский языковед Е. А. Селиванова классифицирует концепты *по способу концептуализации* (представления, схемы, понятия, фреймы), *по роли в сознании*, отмечая её непоследовательность (культурные, ментальные, мифологические, идеологические, философские и т. д.), *по объекту концептуализации* (антропоконцепты, натурфакты, артефакты, концепты-архетипы: культурные, идеологические, эмоциональные и т. п.), *по субъекту концептуализации* (общие, этноконцепты, групповые концепты и идиоконцепты), *по объёму информации* (нулевые, эталонные, специфицированные, энциклопедические), а также *по качеству информации* (понятийно-логические, образно-художественные и парадоксальные).

В русском языке концепт «любовь», базовые характеристики которого имеет три основных значения, а именно:

1. Это чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу [297; 108].

– Чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т. п. [297;108].

– Внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо [243; 509].

– Чувство глубокой привязанности к чему-, кому-либо [243; 209].

2. Такое же чувство, основанное на половом влечении, отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством [297; 108]. Тематически близкие слова: страсть, влечение, пристрастие, желание.

Как видим, во всех словарях на первое место выводится духовная связь, возникающая между субъектами чувства. Отдельные толкования «любви» пополнены за счёт включения в них семантических компонентов «влечение», «тяготение», «пристрастие»:

3. – Склонность, расположение или влечение к чему-нибудь [297; 108].

– Внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо [293; 209].

Рассматривая «любовь» в рамках турецкой картины мира, следует отметить, что упомянутый концепт репрезентуется в турецком языке посредством четырёх основных лексем и их производных; среди них особого внимания заслуживают такие как *aşk*, *sevda*, *sevgi* и *sevi*, имеющие тонкие семантические различия: 1) «*Aşk* – чувство сильной любви и привязанности, чрезмерная любовь» [308; 138]; 2) «*Sevda* – 1) сильная любовь, любовное чувство; 2) чрезмерная и сильная страсть, желание» [308;1742]; 3) «*Sevgi* – чувство, которое побуждает человека испытывать в к чему- или кому-либо неподдельный интерес и привязанность» [308; 1742] и 4) «*Sevi* – чувство чрезмерной любви и привязанности» [308; 1742].

Среди учёных, исследовавших концепт «любовь», указывая на его эмоциональность, следует отметить, в частности, С. В. Пыжика, А. Вежбицкую, Вл. и Вал. Луковых, сопоставивших «любовь» с «дружбой», а также С. Г. Воркачёва, сравнившего упомянутый концепт со «счастьем».

Основные признаки концепта подразделяются С. Г. Воркачёвым на *дефиниционные семы*, *избыточные* и *имплицативные* признаки. Прочие квалифицируются лингвистом как *энциклопедические*. Среди них можно отметить признаки, определённые С. В. Пыжиком: признак *рациональной немотивированности, индивидуализированности выбора объекта*, признаки имплицативной семантики, выражаемые через «*каритативный блок*», *миротворческие качества «любви»*, признак *положительной ценности* и т. д.

Упомянутым выше С. Г. Воркачёвым также были установлены некоторые признаки концепта «любовь», характерные, в основном, для паремий русского языка: признаки *амбивалентности любви*, её *интенсивности, соматических проявлений, недолговечности, воздействия*, интересный признак под общим определением «*косметика*» (о котором подробнее можно узнать из соответствующего пункта диссертационного исследования), признаки *аутентичности, памяти, неутолимости, возраста, любовных ссор, личностной сферы, пьянства, ревности, ненависти и единомыслия*.

Подчеркнём, что в паремиях турецкого языка были выявлены специфические признаки концепта «любовь», характеризующие его видение и восприятие представителями турецкого народа.

Мы полагаем, что необходимо обратить внимание на тот факт, что Т. Н. Данькова выделяет так называемый «художественный концепт», а Е. С. Кубрякова справедливо указывает на то, что художественный текст так или иначе вовлечён в концептуальные исследования. Таким образом, в произведениях И. А. Бунина и его турецкого современника Я. К. Беяты «любовь» предстаёт необычайно сложным и многогранным явлением: говоря о творчестве И. А. Бунина, невозможно не отметить, что сама тема любви занимает в нём ключевое, можно даже сказать основополагающее место. Бунинская «любовь» отличается силой предопределения человеческого поведения и поступков, амбивалентностью и неоднозначностью, мистичностью в зависимости от так называемого «солнца любви», универсальностью, «всемирностью» и безграничностью. В произведениях русского классика «любовь» нередко предстаёт в виде дьявольского искушения, наваждения, горько-сладкого плода познания; она глубока, порой трагична и несчастна, но при этом – всеподчиняющая и бессмертна.

Поэтические произведения Я. К. Бятылы пронизаны свойственной автору любовью к Стамбулу, которая, по мнению турецкого исследователя О. Байрака, является неслучайной. Лики кемалевской «любви» зачастую грустны и печальны, изъедаемы болью и несчастьем от разлуки с возлюбленной. Примечательно, что Я. К. Бятылы временами применяет приём песни-колыбельной о любви, как бы лаская и убаюкивая взволнованную и опечаленную любимую.

Таким образом, из описанного выше можно заключить, что понимания «любви» И. А. Буниным и Я. К. Бятылы во многом сходны, но всё же демонстрируют тонкие различия в восприятии и трактовании данного концепта представителями русской и турецкой языковых картин мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. 254,10. Данькова Т. Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Данькова. – Воронеж. гос. пед. ун-т, 2000. – С. 10.
2. 273,85. Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова Память / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991. – С. 85.
3. 300,12. Чурилина Л. Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования: монография / Л. Н. Чурилина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – С. 12.
4. 266,160. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М., 1981. – С. 160.
5. 301,312. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М: Гнозис, 2008. – 416 с.
6. 203. Бунин И. А. Часовня [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
7. 278.- 278,21. Мескин В. А. Любовь в прозе И. Бунина: диалог с предшественниками и современниками [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://literary.ru/literary.ru/show_archives.php?subaction=showfull&id=1207131730&archive=1207225892&start_from=&ucat=&
8. 189. Бунин И. А. Тёмные аллеи [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
9. 12. Бунин И. А. Баллада [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
10. 8. Бунин И. А. Антигона [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
11. 36. Бунин И. А. Визитные карточки [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
12. 28. Бунин И. А. В Париже [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
13. 43. Бунин И. А. Генрих [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
14. 112. Бунин И. А. Натали [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
15. 90. Бунин И. А. Мадрид [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2622.shtml.
16. 306,1533. Bayrak Ö. Yahya Kemal'in şiirinin kaynakları [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: [http://turkoloji.cu.edu.tr/Yeni Türk Edebiyatı/ozcan_bayrak_yayha_kemal_siirinin_kaynaklari.pdf](http://turkoloji.cu.edu.tr/Yeni_Türk_Edebiyatı/ozcan_bayrak_yayha_kemal_siirinin_kaynaklari.pdf)
17. 221. Beyatlı Y. K. Bir başka tepeden [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>
18. 232. Beyatlı Y. K. Özleyen [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
19. 227. Beyatlı Y. K. Hatırlatan [электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.

20. 237. Beyatlı Y. K. Şarkı электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
21. 238. Beyatlı Y. K. Şarkı электронный ресурс]: режим доступа к источнику: <http://www.e-sehir.com/siirler/siir437.html#.UpGRk1fxvIU>.
22. 297,108. Толковый словарь русского языка. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1934 – 1940. – С. 108.
23. 243,209. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 1998. – С. 509.
24. 297. Толковый словарь русского языка. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1934 – 1940. – С. 108.
25. 293. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3 изд. – М.: Рус. яз., 1985 – 1988. – С. 209.
26. 308,138. Türkçe Sözlük. Prof. Dr. Recep Toparlı tar. denetlenmiştir. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2009. – 2244 s.
27. 308,1742. Türkçe Sözlük. Prof. Dr. Recep Toparlı tar. denetlenmiştir. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2009. – 2244 s.